

Истоки и эволюция имперской идеологии России

Максим Палеолог
Светлана Чистова

В свете возрастающего в настоящее время интереса к зарождению и развитию традиционных форм российской идеологии редакция журнала готовит к публикации статьи, посвящённые рассмотрению этой проблемы в хронологическом, концептуальном и сущностном ракурсе, эволюции и развития западноевропейской идеологии, её влияния на формирование имперской идеологии Российского государства. Авторы обращают внимание на экстраполяцию универсалистской формы имперской идеологии на российскую почву. Идеи панрусизма и панславизма, по их мнению, были предложены Россией всему славянскому миру под эгидой православного братства. В свете сегодняшних событий вопросы, поднятые в исследовании, позволяют задуматься о причинах того, что происходит между некогда братскими народами, какая судьба ждёт саму идею панславянского единства.

Редакция

ПАЛЕОЛОГ Максим Владимирович – кандидат исторических наук (кафедра этики и религиоведения ГБОУ ВПО Московского городского педагогического университета). *E-mail:* mpaleolog@mail.ru

ЧИСТОВА Светлана Михайловна – кандидат исторических наук (кафедра истории и культурологии ФГБОУ ВПО Московского государственного университета леса). *E-mail:* svetinlink@rambler.ru

Ключевые слова: Священная империя, симфония властей, Москва – Третий Рим, панславизм, панрусизм.

Духовно-политическая идеология допетровской Руси

Зарождение и эволюция понятий *Imperium Sacrum* и *sacredotium*

Универсальная идея *Imperium Sacrum* – Священной империи – окончательно сформировалась в эпоху Средневековья. Она стала ключевой в развитии концепции средневековой государственности и приобрела особое значение как для развития государства, так и Церкви. Императоры, и папы стремились воссоздать канувший в небытие *Pax Romana* (Римский мир).

Идея универсальной мировой державы начала складываться ещё в эпоху Античности, когда она была воплощена в жизнь благодаря походам Александра Македонского. Огромные пространства древней Ойкумены в IV в. до н.э. были впервые, пусть и на короткий срок, объединены под эгидой Македонской державы. Благодаря этому греческая культура становилась связующим звеном большей части Древнего мира.

Пришедшая на смену эллинистическому миру Римская империя сформировала универсальное понятие государства, которое практически ассоциировалось со всем цивилизованным миром. Особое понятие *Pax Romana* – Римский мир, появившееся во времена Древнего Рима, фактически ставило знак равенства между понятиями «мировое государство», «цивилизация» и «культурный мир».

В римскую эпоху наиболее ярко проявились универсальные институ-

ты, определившие её облик. В связи с этим в первую очередь необходимо обратить особое внимание на институт языка как связующего фактора универсальной культуры и универсальной мировой империи. Так, греческий язык определял единство эллинистической, а в Средние века и византийской культуры, латинский язык характеризовал единство римской культуры и культуры западноевропейского Средневековья.

Ещё одним универсальным институтом, начиная с римской эпохи, было культурно-политическое пространство, определяющее цивилизационное единство. Наследуя эллинистическую идею единой мировой империи, которую пытался создать Александр Македонский, Древний Рим сформировал *Pax Romana* – понятие, которое, по сути, сделало тождественными представления о Римской державе и цивилизации. Слияние культурного и политического стало характерным для представления об универсальной мировой державе. Вслед за Древним Римом Византия строила свой мировой порядок – *Pax Christiana*. Именно в позднеримское время воплотилась идея универсальной державы-цивилизации – *Imperium Sacrum*, продолжением которой и стал византийский *Pax Christiana*, а впоследствии и российский *Pax Rossica*. В Средние века в Западной Европе также пред-

принималась попытка построить новый вариант *Imperium Sacrum*.

Ещё одним важным элементом универсальной культуры стал институт самоидентификации. Понятие «римлянин» явилось именно тем универсальным понятием, которое объединило разные народы в единое культурно-политическое целое как во времена Римской империи, так и значительно позже. Долгое время для имперской и культурной самоидентификации византийцы использовали всё то же понятие «ромей», т.е. римлянин. В Западной Европе универсальная держава тоже определялась как Римская (*Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae*).

Идею именно такого универсального мирового государства унаследовало Средневековье. Естественно, что христианство внесло свои особые коррективы в концепцию Священной империи. Подражая Древнему Риму, средневековые теологи создавали свои универсалистские модели.

Византия, или Восточная Римская империя, также унаследовала римские традиции, возведя их в абсолют: «Модель миропорядка в Византии мыслилась следующей: один Бог – один василевс – единая Вселенская Римская империя. Византийский император мыслился только как Вселенский, как глава Ойкумены, отец “семьи государей и народов”» [1].

Император был заместителем Бога на земле, через него осуществлялась божественная власть над миром. Только император, в силу своего особого статуса, повелевал и империей, и священством.

По мнению С. Рансимена, император Юстиниан разделил понятия *Imperium* и *sacredotium* (лат. священство). Однако это не меша-

ло ему считать свою власть единственным источником закона: «По воле Божьей мы правим империей, которая предана нам Его Божественной Властью; или: «Один Бог и Император, слушающийся воли Божьей, могут справедливо править миром. Император должен милосердием подражать Богу, Богу, по милости которого единственно действует Его образ, чья власть, в свою очередь, простирается и на священство» [2].

Греки не только сохранили воспоминания о *Pax Romana*, но, опираясь на авторитет Библии и Отцов церкви, создали идею новой универсальной вселенской империи, где основным её признаком стала так называемая симфония властей. Эта идея впервые была сформулирована в VI в. в Кодексе Юстиниана. Отношения Церкви и государства в ней мыслились не в паритетно-правовом, а в гармоничном развитии.

Л.А. Тихомиров так определил идею симфонии властей: «По Юстинианову законодательству (527–565 гг.)... в государстве признавалось существование двух равноправных властей.

В предисловии к VI новелле законодатель говорит: “Всевышняя благодать сообщила человечеству два величайших дара: священство и царство (императорская власть). Первое заботится об угождении Богу, второе о прочих предметах человеческих. Оба же происходят от одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни”» [3].

Таким образом, симфония властей – это гармоничное сосуществование духовной и светской власти в рамках единого «мирового государства». Василевс был обязан заботиться и охранять церковь, а священство должно было молитвой и духовным авторитетом церкви поддерживать его власть, т.е. в идеале обе силы не могли существовать друг без друга. При этом «...византийский самодер-

жец (автократор) выступил властью верховной в отношении подданных, но не безусловной, не абсолютной, ибо имеет определённое, обуславливающее эту власть содержание, а именно: волю и закон Бога, Которому он служит. Около этой Верховной власти стояла постоянная живая Церковь, носительница Божественной нравственной воли, и сам самодержец был лишь членом, но не господином Церкви» [3].

Таким образом, имперская идея в Византии приобрела следующую форму: в её основу легла доктрина симфонии властей, а идеологическим выражением идеи Священной империи стало положение «Один Бог на небе, один православный василевс на земле». И наконец, в Византии универсальное понятие «ромей», относящееся к подданным империи вне их принадлежности к той или иной нации, стало символом единой национально-государственной общности, воплощающей в себе идею *Imperium Sacrum*.

Если в Византии идея универсальной империи развивалась в рамках теории симфонии властей, где не было конфликта между властью светской и властью духовной, то на Западе и император, и папа претендовали на абсолютную власть в мировой христианской державе. В Западной Европе римские первосвященники и императоры *Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae* (Священной Римской империи германской нации) объявляли себя наследниками мировой Римской империи, претендовали на титул *Vicarius Christi* (наместник Иисуса Христа). Всё это привело к борьбе между папством и империей.

Римские первосвященники рассматривали себя наследниками римских императоров, претендуя на их мировую власть. Действительно, благодаря Августину Блаженному и другим Отцам церкви институт папства как хранитель мировой религии выступал в эпоху Средневековья как центр притяжения христианского мира. Однако в рамках идеи мировой державы духовная власть *Imperium Sacrum* была только одной из двух составляющих. Второй составляющей было представление о вселенской власти императора.

Человек эпохи Средневековья воспринимал единство народов в рамках христианской религии. Если в языческую эпоху племена были разьединёнными, то с появлением учения о Едином Боге объединились в народы [4]. Церковное единство выражало единение духовное, а символом единения политического становилась Священная империя. В сознании человека средневекового Запада понятия *Imperium* и *sacerdotium*, выражавшиеся в Византии через идею симфонии властей, воплощались в теорию «двух мечей». Это было сформулировано в V в. папой Геласием I.

В трактате *Tomus de anathematis vinculo* после констатации того, что до Христа цари и правители выполняли жреческие функции, папа Геласий I сделал вывод о том, что, помня о слабости человека, Христос «разделил функции двух властных компетенций и сделал их самостоятельными сферами. Духовная сфера держит известную дистанцию по отношению к обстоятельствам здешнего мира, и, с другой стороны, тот, кто имеет дело с земными вещами, не должен претендовать на руководство делами божественными» [5].

Идея разделения духовной и светской власти, а также их равенство были выражены в так называемом «Константиновом даре». Подложность этой грамоты была доказана ещё в XVI в. Лоренцо Валлой и была вставлена в так называемые Лжеисидоровы декреталии.

Согласно этому документу император Константин Великий в знак благодарности папе Сильвестру I, исцелившему его от проказы, решил на четвёртый день после своего крещения оставить Рим и основать новую столицу на Босфоре. Император хотел, чтобы светское правительство не ограничивало свободы духовного лидера христиан – папы. Также Константин якобы даровал папе Сильвестру I и его преемникам верховную власть над Италией и странами Запада. Помимо этого, император даровал римскому первосвященнику ряд привилегий и достоинств, которые были принадлежностью императора и римского сената. Папской резиденцией должен был быть Латеранский дворец, папа должен был носить тиару, ожерелье, пурпурную мантию, скипетр, а при его особе должен был находиться штат камергеров. Папский клир получал право ездить верхом на белых лошадях и пользоваться почестями и привилегиями, принадлежавшими сенату и патрициям [4].

Раннесредневековые папы сформулировали идею примата духовной власти над властью светской, и со второй половины XI в. фактически установили вселенскую папскую теократическую монархию. Так как формально с 1054 г. Западная и Восточная церкви прекратили общение, то и папство и византийские императо-

ры игнорировали притязания друг друга на титул *Vicarius Christi*. Не так относились папы к притязаниям римских императоров. Папа Григорий VII рассматривал государство как низшую сферу того Царствия Божия, высшим проявлением которого является Церковь. Если папа господствует в высшей сфере Царствия Божеского, то он тем более может распоряжаться и в низшей сфере – государстве. Он различает власть духовную и светскую лишь как высшую и низшую инстанции в пределах одной и той же *Respublica Christiana*. Государство, чтобы стать правомерным христианским союзом, должно слиться с Церковью, поглощаться ею [6].

Папа Иннокентий III говорил, что папская власть есть солнце, а императорская власть есть луна. Как луна светит отражённым светом солнца, так и императорская власть подчинена папской власти [7]. Символическим выражением верховной власти папы стала тиара.

Три короны, совмещённые в тиаре, символизировали власть папы над небом, землёй и преисподней.

Согласно другим толкованиям, тиара указывала на церковь страдающую, борющуюся и побеждающую.

Постепенно идея о том, что кафедра св. Петра есть императорский трон церкви, стала общепризнанной. В ходе длительной борьбы папы сумели присвоить себе право распоряжаться и императорской короной. Однако борьба с императорами ослабла и само папство. Окончательным результатом этого стало представление о том, что Римская церковь и Священная Римская империя представляют собой две стороны од-

ной медали. Римский первосвященник есть высший судья в сфере религии и духовных вопросов, а император должен поддерживать мир во всей вселенной.

«По отношению к Церкви он является Адвокатом – титул, заимствованный из обычая церквей и монастырей избирать какого-нибудь могущественного барона, который защищал бы их земли и предводительствовал их держателями на войне» [4].

Таким образом, двойственность представлений средневекового человека о *Imperium Sacrum* проистекала из дуалистической природы самого Христа. В целом процесс формирования идеи Священной мировой империи, имея общие корни, мало отли-

чался и в Византии, и в Западной Европе. Однако политическое воплощение этих идеологических концептов привело к весьма различным результатам. На Востоке, в Византии, идея *Imperium Sacrum*, уходящая в свои вселенские цивилизационные корни, являлась фактором единения имперского и культурного пространств.

На Западе идея *Imperium Sacrum* в первую очередь воплощалась в политико-правовом аспекте.

Эта идея привела к политической борьбе между церковью и светской властью. Культурные различия между европейскими странами оказались более или менее сглаженными только в настоящее время.

Истоки российской политической идеологии

В России, начиная с Иоанна III, русская политическая традиция и идеология развивались под воздействием эсхатологических и мессианских мечтаний русского народа. Даже начавшаяся при Петре I секуляризация политических идей не разорвала этой связи. Результатом симбиоза стали идеи панрусизма и панславизма, а также идея «византийского наследия» и особой миссии русского народа.

Со временем идея мессианства вошла в плоть и кровь русского народа. Политика и социально-историческое развитие воспринимались им как некая сакральная миссия.

Вальтер Шубарт отмечал: «Русский и в этом отличается от европейцев. Его национальной идеей является спасение человечества русскими» [8].

Эта миссия по спасению всего человечества вполне естественна для русской политической мысли, кото-

рая не представляла себя оторванной от судеб мира.

Эсхатологические идеи проникли на Русь вместе с христианством, но особую роль в формировании политических взглядов и социально-исторического развития они начали играть только с конца XV в. Это произошло из-за того, что опасения по поводу неминуемого конца света по завершении седьмого тысячелетия так и не оправдались. Постепенно чисто религиозная по своей сути эсхатологическая парадигма становилась востребованной идеологией. Светским выражением эсхатологических чаяний русского народа стала доктрина «Москва – Третий Рим». Именно она позволяла сформировать в отечественной политической традиции представление об особой миссии русского народа в мировой истории. Древние евреи ожидали прихода Мессии, который спасёт и

сплотит еврейский народ. В русской эсхатологической традиции мессианская функция переносилась на весь русский народ. После чего весь социально-исторический процесс превратился в мистерию, целью которой стала мессианская жертва русского народа.

Как указывал П.Н.Милюков, Иоанн III сразу же воспринял идею панрусизма, подсказанную ему императорским послом Поппелем [9]. Именно из этой идеи вытекали претензии великого князя Московского, сформулированные в говорящем титуле «Государь всея Руси». С этого момента великий князь Московский превращался в фигуру сакральную, осуществляющую судьбоносную миссию объединения под своей властью всех русских земель. Недаром короли Польские и великие князья Литовские отказывались признать этот титул Иоанна III. Именно поэтому Москва превращалась в центр единения, а главное – защиты русских вне зависимости от того, являлись ли они подданными московского князя или нет.

Попытки протеста отменялись с присущим московским дипломатам апломбом и самоуверенностью: «Государь наш ничего высокого не писал и никакой новости не вставил. Он от начала – правый уроженец – государь всея Руси, чем его Бог подаровал от дедов и прадедов... Все, отнятое у Литвы, – наша вотчина... Да и не то одно – наша вотчина, что ныне за нами: вся русская земля, Божией волей, из старины от наших прародителей – наша вотчина» [9].

Таким образом, уже с конца XV в., благодаря ставшей общепризнанной идее «Москва – Третий Рим», начал формироваться весь комплекс политических традиций Русского государ-

ства. Объединив под своею властью русские земли, Москва определила для себя новые цели. Теперь Московское царство не просто одно из православных государств, теперь Москва претендовала на положение единого мирового православного царства.

Благодаря браку Иоанна III с Зоей Палеолог эта идея стала частью «византийского наследства» Русского государства. Породнившись с византийской императорской династией, великие князья Московские априори наследовали и притязания византийских василевсов на мировое господство. Идея панрусизма, смешанная с идеей «византийского наследства», неизбежно подводила политические взгляды к идее панславизма. Византийская идеология, привнесенная в Москву Зоей Палеолог и её свитой, оказала существенное влияние на формирование социально-исторического развития как Русского государства, так и русского общества в целом.

Согласно византийской имперской доктрине, мировое государство должно быть обязательно христианским (православным). После падения Византии и создания Османской империи единственным независимым православным государством оставалась Московская Русь. Именно вселенские патриархи, регулярно обращаясь за помощью и защитой к московским князьям, помогли Москве ощутить себя наследницей мировой православной империи. Московские великие князья начали использовать титулы царя и самодержца, которые являлись дословным переводом титулов византийских императоров – василевс и автократор.

Однако имперская идея, воссозданная на русской почве, не была оригинальной. Социально-исторический процесс развития Руси в эпоху Иоанна III просто заимствовал концепты, созданные южными славянами во времена Болгарского и Сербского царств. Как считал П.Н.Милюков, именно они являлись самыми естественными воспитателями русского национального чувства. Южные славяне давно мечтали создать либо болгаро-греческую, либо сербско-греческую империи. Свой собственный славянский император и свой славянский патриарх – таковы были вековые идеалы южных славян. И болгарский царь Александр, и сербский Душан пытались примерить на себя порфиру византийских василевсов. Именно эти южнославянские правители первыми использовали в своём величании титулы «царь» и «самодержец».

П.Н.Милюков, цитируя болгарскую рукопись XIV в., написанную по приказу «царя и самодержца» Иоанна Александра, указал на хорошо знакомые нам по московской национальной идее параллели: «Всё это приключилось со старым Римом; наш же новый Царьград стоит и растёт, крепится и омолаживается. Пусть он и до конца растёт, – о Царь, всеми царствующий, – принявши (в себя) такого светлого и светоносного царя, великого владыку и изрядного Победоносца, происходящего из корени Асеня, преизящного царя болгар, – я разумею Александра прекроткого и милостивого и мнихолюбивого, нищих кормильца, великого царя болгар, чью державу да исчислят неисчислимыя солнца» [9].

После того как турки-османы покорили как «старый» Царьград, так и «новый» Царьград – Тырново, южнославянские патриоты начали искать новый источник своих политико-эсхатологических надежд. Таким ис-

точником и стала далёкая таинственная Москва. Впервые идеи панславизма озвучил на Руси митрополит Киприан, болгарин по национальности.

При сыне Иоанна III Василии III представление о Москве как единственной хранительнице православных традиций стало общепризнанным. И вполне закономерным явилось то, что именно при Василии III была сформулирована идея «Москва – Третий Рим». Её создателем был инок псковского Елеазарова монастыря Филофей. В своём письме московскому дьяку Мисюрю Мунёхину он и сформулировал идею Священной вселенской державы.

В его интерпретации Москва стала законной наследницей предшествующих мировых держав: два Рима пали, а Третий Рим – Москва – стоял и стоять будет вечно, а четвёртому Риму не бывать.

При внуке Иоанна III Иоанне IV представления о Священной мировой державе начали претворяться в жизнь. В византийской традиции Священная мировая империя должна была иметь своего царя и независимую Церковь во главе с патриархом. Первым шагом на пути создания мировой православной империи, по сути *Pax Rossica*, стало принятие Иоанном IV царского титула (1547 г.).

Впервые венчанный царь понимал незаконность присвоения этого титула, поскольку дипломатическая иерархия Средневековья чётко определяла статус царств того времени. В ту эпоху царский титул признавался за византийскими императорами, германским императором и наслед-

никами Золотой Орды. Только покори́в Казань и Астрахань, Иоанн Грозный относительно законно начал титуловать себя царём Казанским и Астраханским. Юридическое подтверждение титула московского царя произошло в 1561 г., когда Собор провозгласил Иоанна Грозного «царём и государем православных христиан во всей вселенной» [10]. Отныне великий князь Московский получил законное право титуловаться царём и владыкой всех православных христиан, а также считать себя наместником Бога на земле. В том же 1561 г. патриарх Константинопольский и другие вселенские патриархи признали царский титул Ивана Грозного и провозгласили его единственным защитником мирового православия. Именно с этого момента Россия уже не могла равнодушно смотреть на мусульманское владычество над христианскими землями Востока и Балканского полуострова, что явилось одной из причин постоянных русско-турецких войн, начиная с конца XVII и до конца XIX в.

Другим важным элементом симфонии властей являлась автокефальная церковь. Впервые в 1448 г. глава Русской церкви митрополит Иона был избран собором русских епископов без поставления в Константинополе. Но юридически Русская православная церковь вплоть до 1589 г. являлась частью Константинопольского патриархата. При царе Фёдоре Иоанновиче Московская митрополия получила автокефалию де-юре. В 1589 г. патриарх Иеремия II Константинопольский и другие вселенские патриархи рукоположили митрополита Московского Иова в сан

патриарха. Таким образом, Русская православная церковь стала автокефальной. По договорённости Москвы со вселенскими патриархами за патриархом Московским и всея Руси было признано пятое место в иерархии православных патриархов. Русская церковь возглавила список поместных церквей, отодвинув на задний план более древние поместные церкви, и с 1589 г. Российское государство стало полностью соответствовать понятию вселенской православной империи. Москва имела своего царя и своего патриарха. Идея симфонии властей чётко соблюдалась Московским государством до XVII в.

Для обоснования своих претензий на вселенское господство великие князья Московские использовали не только идею «византийского наследства», но и специально созданную генеалогическую легенду, по которой подтверждалось правопреемство Русским государством вселенских инсигний Византии. Право наследования вселенской власти императора подтверждалось генеалогическим «Сказанием о князьях Владимирских». В этом тексте прослеживалось родство Рюрика с неким Прусом – братом римского императора Октавиана Августа. Таким образом, московские государи, будучи «сродниками Римских кесарей», законно претендовали на особую сакральную и политическую роль в мировой истории. Иоанн Грозный в своих посланиях неоднократно указывал на своё превосходство благодаря «римскому родству».

Со временем эта родословная стала восприниматься как вполне традиционная, а многими православ-

ными народами и как фактор, указывающий на вселенскую и самодержавную роль не только русского самодержавия, но и всего Русского государства.

Идея «византийского наследства» наложила особый отпечаток на дальнейшее социально-историческое развитие России.

Священный авторитет Церкви также требовал некоторого обоснования. Постепенно сформировался комплекс сказаний, наделяющих особой ролью Русскую церковь в истории вселенского православия. После Ферраро-Флорентийской унии (1441 г.) Московская митрополия фактически самовольно, нарушая все канонические правила, прекратила общение с патриархом Константинопольским, де-факто став самостоятельной. В связи с этим появились сказания, которые обосновывали церковные претензии Москвы на автокефальность. К этим сказаниям относятся «Сказание о путешествии святого апостола Андрея Первозванного» и «Сказание о белом клобуке».

Сказание о проповеди святого апостола Андрея Первозванного приводится в «Повести временных лет».

Это сказание стало особо актуальным в конце XVI в., во времена царя Фёдора Иоанновича. Именно тогда Русская православная церковь получила автокефалию. Борис Годунов стремился добиться третьего места для Московской патриархии в перечне поместных православных церквей.

Московское правительство, ссылаясь на «Повесть временных лет», пыталось доказать равенство вновь образованного патриархата с древними вселенскими кафедрами. Эта затея провалилась, но новозаветное происхождение русского православия от апостола Андрея

Первозванного стало активно использоваться русским правительством для достижения своих политических целей.

Чтобы подтвердить традицию преемственности Московского царства как вселенской державы от Византии, в русской идеологической традиции XVI–XVII вв. распространилось «Сказание о белом клобуке». Это сказание атрибутировалось как послание Дмитрия Герасимова (Дмитрия Толмача) к новгородскому архиепископу Геннадию. Согласно этому сказанию, белый клобук – символ священства – был получен папой римским Сильвестром I от императора Константина Великого.

После «отпадения ветхого Рима» от православия белый клобук был перенесён в Византию, а затем на Русь, в Новгород Великий. Появление в Новгороде белого клобука связывалось с именем архиепископа Василия Калики (1330–1352 гг.).

При новгородском архиепископе, позднее митрополите Макарии, идея «белого клобука» была перенесена в Москву, где органично вписалась в доктрину «Москва – Третий Рим»: «ветхий бо Рим отпаде славы и от веры Христовы гордостью и своею волею; в новеем же Риме, еже есть в Константинеграде, насиением агарянским тако же христианская вера погибнет; на третьем же Риме, еже есть на русской земли, благодать Святого Духа возсия. И да веси... яко вся христианьская придут в конец и снудутся во едино царство русское православия ради. В древняя бо лета, изволением земного царя Константина, от царствующего сего града царскую венец дан бысть рускому царю; белый же сей клобук изволением небесного царя Христа ныне дан будет архиепископу Новаграда...» [11].

XVII век как апогей развития концепции «Москва – Третий Рим»

В XVII в. доктрина «Москва – Третий Рим» вновь стала актуальной. До воцарения династии Романовых данный тезис воспринимался исключительно в эсхатологическом значении, т.е. святая Русь – наследница Византии, хранительница чистоты вселенского православия. Во времена первых Романовых формула Филофея начала толковаться исключительно в политическом смысле. Именно идея «византийского наследия» определяла социально-историческое развитие Российского государства в XVII в. Мессиянско-эсхатологическое, чисто религиозное восприятие истории осталось в прошлом. С XVII в. сакральная доктрина «Москва – Третий Рим» фактически стала социально-исторической доминантой русской истории.

Именно идеей восстановления Византийской империи под эгидой московского царя была обусловлена вся реформаторская политика царя Алексея Михайловича в отношении Церкви. Со времён Иоанна III идея «византийского наследия» активно использовалась для подтверждения политических и духовных притязаний Русского государства на особую роль в мировой истории. Алексей Михайлович предпринял попытку восстановить Византийскую империю под эгидой Москвы.

Верным союзником царя в этом деле стал патриарх Никон. Так же как Алексей Михайлович хотел стать новым византийским василевсом, Никон хотел стать новым вселенским патриархом в Москве, возглавив всю вселенскую православную иерар-

хию. Он даже вынашивал идею перенесения в Россию всех восточных христианских святынь. Именно этим была обусловлена постройка Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Главный храм этой обители в точности копировал Храм Гроба Господня в Иерусалиме. Маленькая речушка, протекающая у стен монастыря, была наречена Иорданом.

Итак, идея Священной мировой державы постепенно начала воплощаться в политике Русского государства. Для того чтобы иметь возможность объединить под своей властью как всех православных Востока, так и всех православных в России, царём Алексеем Михайловичем была проведена церковная реформа [12].

По мнению Б.П.Кутузова, реформа Русской православной церкви не имела никакой богословской необходимости. На это обращал внимание ещё предшественник патриарха Никона патриарх Иосиф. В XVII в. российские самодержцы воспитывались в византийском духе. Сам Алексей Михайлович получил грекофильское воспитание. Именно с него русские цари начали предпринимать конкретные шаги для того, чтобы заполучить византийский трон.

Вместе с тем вековая мечта российского самодержавия – Константинополь с проливами, как указывал Б.П.Кутузов, была внушена русскому народу Ватиканом. Начиная со времён Василия III, эмиссары Ватикана пытались превратить чисто эсхатологические концепции русской религиозной мысли в конкретные политические действия, чтобы втянуть

Россию в борьбу с Османской империей. Такими методами ватиканская дипломатия стремилась расправиться со своими идеологическими противниками, а также подчинить Святому престолу «восточных схизматиков».

Б.П.Кутузов отмечал, что проводниками разрушительной политики Ватикана в России стали выходцы из Киево-Могилянской академии.

К представителям малороссийского духовенства в Москве относились с недоверием, подозревая их в тайном католичестве. Первые агенты Ватикана начали прибывать в Россию ещё в XVI в.

Одним из таких агентов, по мнению Б.П.Кутузова, был Максим Грек (Михаил Триволис) который «...около 13 лет учился в католических высших учебных заведениях Флоренции, Болоньи, Падуи, Феррары, Милана, был также в двухлетнем монашеском постриге в католическом доминиканском монастыре Сан-Марко. Приехав в Москву в 1518 году, он тоже призывает великого князя Василия III к освобождению Константинополя от турецкого ига, говорит о необходимости объединения христиан вокруг Константинопольского патриаршего престола» [12].

По мнению Б.П.Кутузова, Юрий Крижанич и Милеску Спафарий также были агентами Ватикана: «Ю.Крижанич... старается склонить русского царя к борьбе против Османской империи в союзе с болгарями, сербами, босняками, валахами и другими европейскими народами. В качестве залога прочного военного союза он традиционно выдвигает идею церковной унии» [12].

П.Н.Милоков воспринимал Юрия Крижанича двойственно. С одной стороны, действительно воспитанник иезуитов, ратовавший за унию католиков и православных, а с другой – первый, кто сформулировал русскую национальную идею. В це-

лом именно на взглядах Крижанича воспитывались русские апологеты национальной идеи, оказавшей столь сильное влияние на дальнейшее социально-историческое развитие России.

Не менее жёсткую характеристику дал Б.П.Кутузов Милеску Спафарию: «М.Спафарий много потрудился в пропаганде этой столь важной для Рима идеи – вовлечения России в борьбу с турками. Конечно, Молдавия мечтала освободиться от османского порабощения, однако следует помнить и то, что Спафарий фактически также являлся воспитанником иезуитов» [12].

Конечно же, можно считать и Максима Грека, и Юрия Крижанича, и Милеску Спафария эмиссарами Ватикана, стремившегося втянуть Россию в противостояние с Османской империей. Во многом именно эти люди «нового типа» – выходцы из других стран, способствовали тому, что в русском сознании чисто церковная эсхатологическая доктрина «Москва – Третий Рим» превратилась в политический манифест, определивший социально-историческое развитие русского государства на ближайшие 200 лет.

Согласно исторической традиции, мистический дух был отличительной чертой русской государственной машины вплоть до эпохи Петра I. Именно он, по мнению большинства отечественных и зарубежных исследователей, разрушил устои старинных московских традиций. Однако уничтожив старинную мессианскую концепцию Вселенской православной державы, он, по сути, создал новую идеологию «Священной империи», базирующуюся на прежних мессианских идеях.

Таким образом, Пётр I сформировал программу дальнейшего социально-исторического развития России, про-

существовавшую вплоть до 1917 г. и в целом характерную и для советского периода в истории нашей страны.

Примечания

1. *Андреева Л.А.* «Местник Божий» на царском троне. 2002. С. 113.
2. *Рансимен С.* Византийская теократия. М., 1998. С. 165.
3. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 1998. С. 152, 144.
4. *Брайс Дж.* Священная Римская империя. М., 1891. С. 72, 78, 82.
5. *Задворный В.* История римских пап от св. Феликса II до Пелагия II. М., 1997. Т. 2. С. 51–53.
6. *Трубецкой Е.Н.* Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Ч. 1–2. М., 1892–1897. С. 296.
7. *Иванов К.А.* Средневековое папство и его представители СПб., 1915. С. 85.
8. *Шубарт В.* Европа и душа Востока. М., 2000. С. 194.
9. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 3. С. 40, 41, 43.
10. *Сторчак В.М.* Тема российского мессианизма в общественно-политической и философской мысли России. М., 2004. С. 16.
11. Цит. по: *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и её русское переосмысление). М., 1998. С. 438–439.
12. *Кутузов Б.П.* Церковная «реформа» XVII века. М., 2003 г. С. 160–161, 177, 178, 178–179.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
BSERVER